Текст · 6 апреля 2021, 07:28
Алла Константинова,

«Здесь его били-били, и он умер». Рассказ зека, ставшего потерпевшим по делу двух руководителей ИК-9 в Карелии

Прокуратура отказалась утверждать уголовное дело бывшего начальника карельской ИК-9 Ивана Савельева и его заместителя Ивана Ковалева — обоих Следственный комитет обвиняет в избиении заключенного. Ведомство раскритиковало низкое качество видеозаписи избиения и тот факт, что потерпевший только на втором допросе узнал себя на ней (при этом руководителей ИК-9 уверенно опознали другие сотрудники ФСИН). «Медиазона» поговорила с потерпевшим — 45-летним таджикистанцем Абдували Насруллоевым — и он объяснил, что не сразу вспомнил этот день, потому что такие избиения были обыденностью («У меня таких случаев миллион раз был, откуда помнить?»), а в колонии практиковались и гораздо более жестокие пытки.

Срок восемь лет я получил[1] 8 декабря 2011 года. Меня этапировали из Москвы в Петрозаводск, в «девятку». В марте 2019 года я получил справку об освобождении. 15 марта вышел, и меня другие уже [сотрудники полиции] встречали. Посадили в машину, повезли куда-то, закрыли на неделю. Потом привезли в суд в Петрозаводске — и депортировали меня на пять лет.

Начальники «девятки», вот они все это придумали. Тогда Гавриленко был начальником[2], а

замначальника [Иван] Савельев. Я в суд пришел, там мне говорят: «Ты сам подписал документ, согласие [на депортацию] дал». Я им говорю, что никакого согласия не давал. Мне в «девятке» как-то одну бумагу дали: «Подпиши, тебе страховой полис сделаем». Обманули, короче. А оказывается, в той бумаге, которую я подписал, я согласие давал на депортацию — так мне сказали, когда я на суде был. Бумагу [в колонии] давали подписывать психологи-девочки, и с ними один инспектор стоял. Ну, у них приказ оттуда, она что может сделать? Сказали подписать — я и подписал.

Из Питера я полетел сразу же в Душанбе. Здесь родители, здесь жена, сестры, братья — все здесь. Я сейчас в карьере работаю, на грузовой машине — ЗИЛ такой, знаете? В Москве я 20 лет прожил: работал, деньги жене отправлял, приезжал, сюда-туда. Я на овощной базе Покровской работал, сейчас это «Фуд Сити» называется. Детей у меня сейчас трое, на фотке [в вотсапе] видели? После освобождения уже дочка родилась. Я в Москве с 1995 года жил, приезжал-уезжал. На полтора-два месяца приезжал в Таджикистан, остальное время там был. У меня [в Москве] девушка была, я с ней начал жить. Потом у нее не получился ребенок, она сказала: «Иди, женись». Я женился [на другой], сын родился — потом она начала уже... Приехала со мной в Таджикистан, здесь я ее лечил — у нее выкидыши, выкидыши все были. Вот я ее привозил, лечили ее по-женски — таджикским методом лечения, не медицинским. Приехали — она забеременела, потом опять выкидыш. Ну а потом родила мне дочку, сейчас ей 15 лет. Когда я сел, ей шесть-семь лет было. Она всегда

в вотсапе, вайбере — телефон, когда вышел, через родственников ей купил. Связь держим, но приезжать не могу, потому что депортировал Петрозаводск меня. Я бы и без депортации в Петрозаводск никогда в жизни бы больше не приехал! Север — это север... В Москве как-то еще можно, а в Петрозаводске вообще холодно. У меня там, в Москве, много чего осталось, людей... Не знаю потом, найду их или не найду.

За что против Савельева и Ковалева возбудили дело

Заключенные не раз рассказывали о пытках в ИК-9 в Петрозаводске, но уголовное дело Следственный комитет возбудил только после того, как в октябре 2019 года в сети появилась видеозапись, на которой начальник колонии Иван Савельев и его заместитель Иван Ковалев бьют заключенного. Несмотря на публичное обещание замдиректора ФСИН Валерия Максименко «однозначно» уволить Савельева, оба еще полгода работали в других колониях Карелии. Обвинение в превышении должностных полномочий (часть 3 статьи 286 УК) Савельеву и Ковалеву предъявили в апреле 2020 года.

Савельева сначала отправили под стражу, но спустя две недели Верховный суд Карелии изменил ему меру пресечения на запрет определенных действий. Ковалева суд спустя несколько месяцев отпустил из-под домашнего ареста.

Расследованию препятствовало управление ФСИН по Карелии — документы и вещдоки

уничтожались, а готовых давать показания заключенных этапировали в дальние колонии.

В начале марта СК завершил расследование и направил дело в прокуратуру, но там отказались утверждать дело. В подписанном зампрокурора Карелии Сергеем Губиным постановлении указано, что «уголовное дело подлежит возвращению для производства дополнительного следствия». Основной довод прокуратуры: портретная экспертиза не смогла подтвердить, что на видео 2014 года попали именно Савельев и Ковалев — эксперт указал, что видео слишком низкого качества. При этом в документе указано, что 30 допрошенных следователем сотрудников колонии узнали на этой записи своих руководителей.

Потерпевший, гражданин Таджикистана Абдували Насруллоев, только во время второго допроса узнал себя на видео, а записанные в протоколе его показания «не позволяют сделать однозначный вывод о владении русским языком допрашиваемого» из-за грамматических и стилистических ошибок в протоколе — а значит, ему должен был предоставлен переводчик.

Адвокат «Зоны права» Роман Масалев, представляющий интересы Насруллоева, намерен обжаловать решение прокуратуры. Он считает, что утверждение о безграмотности следователя и потерпевшего «является откровенно оскорбительным». Адвокат уверен, что зампрокурора Губин вообще не вправе участвовать в производстве по делу, так как осенью 2019 года именно Губин возглавлял комиссию по проверке пыток ИК-9 и не нашел в колонии никаких нарушений.

«Завязывают ноги, руки к решетке, надевают бронежилет и через него бьют»

Видео из ИК-9 в ютубе, конечно, видел, здесь много людей, которые оттуда [из ИК-9] приехали. Каждого здесь спрашивали, с какого по какой год сидели. Прокуратура их вызывала, они про [Савельева и Ковалева] все рассказали: чего, как, что за люди они. Как они обращались с мусульманами — с людьми, чья кожа не так выглядит. Все это рассказали. Из моего города 4-5 человек, из Душанбе еще 4-5 человек, из Туркменистана, Узбекистана, Казахстана — со всей Азии — знаете, может, человек 150 вызвали. И все подтверждают все — потому что знают, что это за люди были. Вызвали — все записывали, отправили в Карелию, оттуда еще вопросов [прислали], снова вызвали...

Я живу в городе Вахдат — из Душанбе 18 километров. Прошлым летом, по-моему, меня вызвали к замначальника прокуратуры Вахдата. Почти год меня уже вызывают: в месяц, может, один-два раза. Вызывают и все показывают: записи, видео. И оттуда звонят: со Следственным комитетом мы на связи, по видеосвязи. Оттуда, отсюда людей спрашивали, даже людей, которые дневальными[3] работали, вызывали — и они подтверждали много чего.

Я не сразу понял, что это я на видео. У меня таких случаев миллион раз был, откуда помнить? Потом [следователи] вызвали инспектора дежурного с того видео — видели, он на видео что-то Савельеву в уши

говорит? Он подтвердил, что это я. [Инспекторы] в дежурке сидят, все двери открывают-закрывают — все через них. Он меня узнал, а потом меня здесь вызвали и десять раз показали [видео]. А так, таких моментов сто было — откуда помнить это все?

[В ИК-9] везде камеры — я на них миллион раз попадал. В коридоре камера, камера, камера — везде камеры там. Значит, просто уничтожили все другие записи — там они много над людьми издевались.

Когда этапировали меня в Карелию, сначала шесть суток в ПФРСИ[4] держали, перевели на карантин — 15 дней. Разговаривали с нами психологи, замначальника, разные структуры... Как это называется? «Воспитательные работы» эти разные, короче. Потом нас во второй отряд «подняли». Мы два года жили — все нормально было, с 2012 по 2014 год. А в конце 2013 года — декабрь где-то или октябрь, может — Терех[5] приезжает на «девятку» и обход делает. С этого момента все и началось.

Они — Терех, Савельев, тогда еще замначальника [Сергей] Аникин был — в каждый отряд заходят и смотрят, а у нас личное время по распорядку. Кто молитву читает, кто чай пьет, кто телевизор смотрит, кто курит. Разное — час личного времени. В этот момент заходят они в секцию — а там человек молитву читает. Ну, мусульманскую молитву. Говорят: «Внимание!» — все должны встать и слушать команду, а он не реагирует. После этого Терех у Аникина и Савельева спрашивает: «А чего он молитву читает?». Савельев тогда был во втором отряде просто опер, оперативником был.

После этого они уходят и человека, который молитву читал, забирают. Он исчезает, вообще исчезает, неизвестно куда. Потом все узнали, что его увезли в ПФРСИ: у них там отдельная комната в подвале. Завязывают ноги, руки к решетке, надевают бронежилет и потом через него бьют — дубинками, по-разному. Ну, по всем органам, короче, через жилетку. Он типа удара здесь [видимого] не дает тебе, а внутри у тебя все [травмируется]... И, короче, после вторых суток привезли — и ему вообще плохо, его сразу этапировали в Медвежьегорск, в РБ-2[6]. Его звали Рахмат — он был узбек, но гражданином России был он. А для них нерусский — значит, нерусский. Без разницы.

О жестоком избиении и гибели Рахматжона Рахматова в ноябре 2013 года спустя шесть лет рассказал сидевший с убитым в одной камере Сергей Тарасов: «В комнате оперативных сотрудников он был жестоко избит, ему нанесли травму внутренних органов. Рахматжон не мог встать, кричал. Его вынесли на носилках сначала в медсанчасть, а затем срочно вызвали скорую, сделали обезболивающие уколы и в экстренном порядке этапировали в больницу города Медвежьегорска при ИК-9. Через шесть дней он скончался в муках. Знакомые зеки рассказывали, что жутко кричал и днем, и ночью. Одному заключенному по фамилии Коремахунов удалось проникнуть в его палату: Рахматов успел сказать, что его избивали Иван Ковалев и Иван Савельев. Били жестоко: руками, ногами».

Незадолго до смерти Рахматова видел и бывший осужденный Олег Денисов[7], который в ИК-9 исполнял обязанности санитара, он вспоминал: «Вечером открылась дверь санчасти: начальник Иван Савельев, Иван Ковалев и Андрей Машкин занесли полумертвого [заключенного] Рахматджона Рахматова. Пытались его усадить, но он терял сознание. Рахматов невысокий, с татуировкой полумесяца на груди, был в робе ШИЗО. Когда ее с него сняли, я обомлел: никогда не видел столько синяков на человеке! У него все тело от живота до ступней было синее».

Из «девятки» были [заключенные] в Медгоре[8], и они приезжают к нам обратно после «больнички». Гуляем по локальному участку просто, во время уборки. И один рассказывает: «Такого-то человека знали?». «Да, знали», — говорим. Говорит: «Здесь его били-били, и там, в Медвежьегорске, он умер». Этот человек, который эти слова сказал на том локальном участке — до конца своего срока он мучился за это. До конца его мучили! Имя его Хаким, фамилию забыл. Он в Душанбе живет сейчас. До такого дошло, что он оттуда еле-еле домой [вернулся]. Так издевались, что он начал дневальным на них работать. Некуда деваться — или умрешь, или... Люди до такого уже дошли, что уже звери стали. Хакима в Душанбе тоже в прокуратуру вызывали, все подтвердил.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«Они думали, все им можно. У них это развлечением было каждый день»

В Петрозаводске есть тюрьма маленькая — СИЗО. Туда Аникина перевели этого, и стал замначальника [ИК-9] Савельев[9]. Он никак не успокоился: сколько мужиков, сколько парней из-за него лично, через их руки прошли... На видео — это медицинская комната в «шизняке»[10]. Там должен врач тебя осматривать каждый день, вот они и «смотрят», типа они сами врачи. Туда заводят [заключенных] и бьют, да. Но не только там: в коридоре даже бьют. Везде бьют — там столько камер, а они везде бьют. Это [видео] кто-то, наверное, сам взял и закинул в ютуб.

В ШИЗО 80 процентов [заключенных] сидели и сами не знали, за что. За мелкий разговор — с полслова, например. До такой степени... Ну очень злые люди эти, лично к мусульманам злые. Просто ненавидят мусульман, как будто они богов там из себя строили. Савельев, да, Ковалев. Ковалев там [говорил]: «Зачем приехали? Здесь Россия!». Это что за слова? За молитвы полстраны в ШИЗО, по-моему, сидело.

В 2014 году у них начался кипеш, я в это время был [в тюремной больнице] в Медвежьегорске, меня отправили. Я приехал оттуда — всех сломали, раскидали по разным отрядам, всех били. Что за кипеш, точно не знаю — люди что-то требовали, но ничего не получили и начали себя вскрывать, вены резать. И всех закинули по разным отрядам — кого на работу, кого куда...

Фонд «В защиту прав заключенных»[11] еще

Это [видео] ни о чем — там даже десяти процентов нет [от того], как они с людьми обращались. Как с животными! По 10-15 человек [одного] бьют, люди теряли сознание — просыпаются, а они в Медвежьегорске [в больнице]. Избивают в ШИЗО, еще у них комната опергруппы, еще комната совещаний...Один раз Савельев, Ковалев и Гавриленко втроем меня в его кабинете били. Гавриленко побежал им помогать, тоже хотел ударить. Они думали, все им можно. У них это [избиения] развлечением было каждый день. Если они сегодня этого не делали, ночью они, по-моему, не заснули бы. Хотели просто ломать... нормальных мужиков.

Да у них своих этих «козлов»[12] — что те говорят, они им верят. Человека не спрашивают. Здесь, на воле — в суд можно подать, вызвать свидетелей, уточнить... А там их «козлы» что говорят — то они и слушают. Правда или неправда — у них своя правда.

Я их [Савельева и Ковалева] называл «злобники». Ну, малолетки... В глазах многих людей там они выглядели, как скинхеды эти, очень злые на нерусских. А так взять Карелию — половина тоже нерусские. Там [в колонии] иностранцев много было, но именно азиаты — я вам честно скажу, любой нерусский из Азии, который сидел там — его мучили. Никто оттуда нормальным не пришел. Был Леха такой, мужик из Сортавалы. Когда из Медгоры [осужденные] приезжают, их прямо в ШИЗО встречают. Там чуть-чуть замучают, потом поднимают в отряды. И что-то с ним не так [пошло], и у него сердце там остановилось, прямо в подвале. Умер. Или в 2017 или в 2018 году. Простой парень, на локалке работал, мы общались. Может, его за то, что

с нерусскими общался... А у него, по ходу, что-то с сердцем не так было.

В феврале 2014 года я в ПТУ ходил — там, в лагере. И меня вызывает на втором уроке дневальный, забирает. Куда — не знаю. Привел меня в штаб, прямо к Гавриленко [в кабинет] заводят. И вот Ковалев, Савельев, Гавриленко начали втроем избивать. Это в первый раз в жизни у меня было. За что — я не знаю. Они что-то спросили, я им говорю: «Я ваш вопрос не понял». И начали избивать. Но это только начало было. В это время меня в клетке Савельев закрыл... и это, короче, берет меня, тащит — я ударился о решетку, и из-за этого у меня на **** [лицо] шрам остался.

И до вечера меня опергруппой [били], по 10-12 человек, не помню. Как в футбол играли, а вечером закинули меня в ШИЗО. Я иду, а там один парень-туркмен на полу лежит. «Что с тобой?» — «Меня чуть не убили». «За что?» — «Не знаю». И этот туркмен мне рассказывает: «Меня везли в ПФРСИ вообще-то, завязывали на решетке и бронежилет надевали, по органам начали дубинкой бить. Я сознание и потерял. Потом привезли в санчасть — там была Людмила Павловна такая медсестра. Вот, я прихожу в себя, открываю глаза, а Савельев у меня на голове сидит и смотрит, я прихожу в себя или нет. Потом привезли меня сюда — я ночью здесь без постели, без ничего на полу спал».

15 суток меня в ШИЗО продержали, я 1 марта [2014 года] вышел. Неделю там сидел — уже не мог ходить, у меня нога опухла. Я даже дежурному сказал, что у меня нога опухла — вызывали доктора, какое-то

обезболивающее дали. Дежурный еще: «Что я могу поделать?» — «Ну, вы же дежурный!». За это я тоже получил — типа, чего спрашиваешь.

В коридоре стоишь — обыск делают. Ноги нужно шире ставить. Они сами потом в растяжке тянут: двое отсюда, двое оттуда. Че я вам, Ван Дамм, что ли? Потом бьют сверху еще по почкам. Бьют сзади — не видно, кто. Это они, типа, чтобы я быстрее бежал из камеры по коридору. А я бегать не мог, у меня нога опухла, я хромал — и за это вызывают и бьют.

Начальники отрядов все это видели и знали, но они тоже ничего не могли [сделать], потому что этот замначальника [Савельев] над ними даже издевался. Они сами терпели все это время. Он так с ними разговаривал — все видно, все слышно было — что они даже ничего не могли ответить. Пол-администрации [колонии] от них сбежало.

Суд сам решит, какое наказание. Просто, что я прошел, они тоже должны пройти в жизни. Чтобы потом знали... Я вот немцев по телевизору видел с детства, да — немецкие фильмы про фашистов. Ну я чисто фашистское лицо у них видел. Какой человек шлангом холодной водой зимой человека моет? В душ тебя заведут и шлангом холодную воду. Это немцы делали, для нас они фашисты. Любой человек после этого заболеет — они об этом не думали? Я чуть там не умер! Я до такого заболел, что... до сих пор себя лечу здесь. Не проходит у меня ни кашель, ни все это...

Все ноги до сих пор зеленые. И желудок у меня — ударяли по желудку много — и у меня кровотечение там начался. Там закрыли — и утром мне уже

дневальный сказал, что у меня изо рта кровь идет. После этот Савельев уже чуть-чуть успокоился, угомонился. Я до сих пор не знаю, что с желудком получилось — ем что-нибудь легкое, кушать не могу. Но там люди еще в сто раз хуже меня получали. До такой степени людей довели, что они сами себя хотели повесить там. С 2014 по 2018 год сколько человек умерло — это из-за их рук. Не помню так, но, может, десять [человек].

Полслова если бы я сказал родственникам [про избиения] — я бы вечером уже в «шизняке» был! Они телефон слушали, и их козлы еще стояли и слушали, о чем ты говоришь. Полслова если скажешь, на два года тебя еще закроют. У них там много чего придумано. Они издевались конкретно, безмерно людей били.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Петрозаводский городской суд признал Насруллоева виновным в незаконном обороте наркотиков в особо крупном размере (часть 3 статьи 228 УК).

2. Николай Гавриленко возглавлял ИК-9 Петрозаводска с 2008 по 2019 год.

3. Активисты, выполняющие хозяйственные функции в отряде.

4. Помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора, фактически это тюрьма внутри колонии.

5. Начальник УФСИН Карелии Александр Терех.

6. Подведомственная ФСИН больница.

7. Имя изменено.

8. В Медвежьегорске.

9. В 2014 году Иван Савельев стал заместителем начальника ИК-9 по безопасности и оперативной работе.

10. В штрафном изоляторе (ШИЗО).

11. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что фонд «В защиту прав заключенных» внесен Минюстом в реестр «реестр НКО, выполняющих функции иностранных агентов».

12. Заключенных, которые работают на администрацию колонии и выполняют все их поручения — в том числе, нередко доносят на других осужденных.